

1 ОПУКЪ-КАЯ

или

Скала Удодовъ.

Въ Карасубазарѣ до Крымской войны не существовало ни одной гостиницы для прїѣзжихъ и всѣмъ приходилось останавливаться на постоянныхъ дворахъ, содержимыхъ татарами. Отдѣльными номерами были такія лачушки, въ которыхъ только помѣщалась узенькая койка и грязный не крашенный столикъ съ жестянымъ подсвѣчникомъ, всецѣло замазаннымъ потеками отъ сальной свѣчи мѣстной фабрикаціи *). Въ лѣтнее время естественно проѣзжіе не оставался въ нихъ ни одной минуты безъ крайней необходимости, но когда было холодно на воздухѣ и грязно на улицѣ, приходилось поневолѣ искать развлечения въ общей комнатѣ заѣзжаго двора, которая была довольно велика, сравнительно чиста и обыкновенно величалась кофейнею.

Однажды, проѣзжая чрезъ этотъ патриархальный городокъ, гдѣ продолжали, наперекоръ цѣлой Россіи, считать деньги на ассигнаціи и продавать всѣ жизненные продукты въ четыре раза дешевле противъ другихъ городовъ Крыма, я такъ неловко соскочилъ съ фургона **), что вынужденъ былъ прибѣгнуть къ костоправу и оставаться безъ сотрясенія въ продолженіи трехъ сутокъ. Ужасное положеніе! Не знай я туземныхъ нарѣчій и не рѣшившись съ утра до поздней ночи сидѣть въ кофейнѣ—пришлось бы задохнуться въ мизерномъ номерѣ и съ ума сходить отъ скуки.

Къ удовольствію моему фамилья моя хорошо была извѣстна болтливому содержателю заѣзжаго двора и онъ всегда приглашалъ меня сидѣть около себя на почетномъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно находились лучшіе мѣстные представители купеческаго и земледѣльческаго сословія. Мнѣ, какъ интересующемуся мѣстными преданіями, естественно было очень удобно такое положеніе только потому, что я имѣлъ возможность, какъ-бы случайно, касаться предметовъ, о которыхъ почтенные люди не считаютъ прилич-

*) Въ то блаженное время въ Крыму не извѣстны были стеариновые свѣчи.

**) Фургоны и теперь существуютъ на этомъ трактѣ. Цѣль ихъ перевозка пассажировъ по вольной цѣнѣ. Въ былое время, когда почтовые лошади давались по дорожнымъ бланкамъ и не было другихъ средствъ для переезда, они считались крымскими почтовыми каретами.

нымъ говорить публично и особенно съ взрослыми людьми, изъ боязни, чтобы имъ не приписали женскихъ наклонностей.

Въ первый-же день посѣщенія кофейни я какъ-то невольно остановилъ вниманіе на маленькомъ татаринѣ пожилыхъ лѣтъ, прибывшемъ изъ подъ Керчи и ѣхавшемъ въ Симферополь по какимъ-то судебнымъ дѣламъ. Онъ такъ много говорилъ о прошломъ изобилии своей мѣстности и нѣкоторыхъ важныхъ событіяхъ, повліявшихъ на экономическій бытъ своей мѣстности, что всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и раздѣляли его убѣжденія.

Узнавъ отъ хозяина, что я изъ Симферополя, этотъ человѣчикъ зашелъ въ мою *оду* (комнату) вечеромъ съ просьбою рекомендовать ему кого-либо изъ добросовѣстныхъ адвокатовъ, которому онъ могъ-бы довѣрить свой искъ. Покончивъ этотъ разговоръ, я поставилъ предъ гостемъ моимъ стаканъ чаю и началъ стороною заводить рѣчь о блистательномъ состояніи Керченскаго полуострова въ древности.

— Этого мы не знаемъ—отвѣчалъ отатарившійся ногаецъ—но надо полагать, что это отчасти справедливо, если принять во вниманіе слѣды довольно значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ и сказочные рассказы нашихъ старушекъ, безъ сомнѣнія придуманныя прародительницами ихъ для развлеченія внушекъ въ длинныя зимнія ночи.

— А ты гдѣ именно родился?

— Моя деревня около извѣстной Опукъ-каи. Сосѣдство не совсемъ пріятное, потому что болѣе отдаленные поселяне придумали называть насъ удодами т. е. названіемъ этой скалы. Многіе сердятся за эти шутки и нерѣдко возбуждаются драки, доходящія до жалобъ.

— Что же тутъ оскорбительнаго?

— Ничего; но согласитесь сами, если за вами бѣгутъ мальчишки и кричатъ *ку-ку!* ку-ку! то это не совсемъ пріятно.

— Чего-же ради или какія причины послужили этому поводомъ?

— Причинъ никакихъ не могло быть, но эти безобразныя старья вѣдьмы, чтобы показать себѣ всезнающими, выдумали такую небылицу, которую стыдно повторять людямъ разумнымъ.

— Что-же онѣ выдумали? спросилъ я съ улыбкою, чтобы не возбудить въ расказчикѣ подозрѣнія, что я интересуюсь такою ничтожностію.

— Право не стоитъ говорить, чтобы не портить аппетита на чай, который я пью въ третій разъ со дня рожденія моего и нахожу очень вкуснымъ.

— Напитокъ этотъ дѣлается еще вкуснѣе, когда его глотаютъ съ расстановками; а это удобнѣе дѣлается при разговорѣ.

Татаринъ набилъ свою трубку, раскурилъ ее и, запивъ глоткомъ чая, началъ легенду свою слѣдующимъ образомъ:

— Вамъ вѣроятно не разъ приходилось видѣть удодовъ и убѣдиться своими глазами, что ни одна изъ крымскихъ птицъ не украшена такими прелестными перьями. Въ своемъ нарядѣ, она

по рассказамъ нашихъ бабушекъ, походить на самовластную царицу съ короною на головѣ. По ихъ мнѣнію такъ будто одѣвались цари въ давно прошедшія времена. Надо полагать, что это такая-же выдумка, какъ и все остальное, но дѣло не въ этомъ. Въ той мѣстности, гдѣ въ настоящее время стоитъ Опукъ-каи, было довольно большое и богатое поселеніе кроткихъ и богобоязливыхъ людей, которые не иначе пробуждались какъ съ молитвою на устахъ и считали за ужаснѣйшій грѣхъ оскорбить кого-либо словомъ или дѣломъ. При такомъ направленіи понятно, что они не нуждались ни въ какихъ властяхъ и жили, какъ въ раю. Тѣмъ временемъ невдали отъ селенія этого разбитъ былъ морскими волнами какой-то чужеземный корабль и изъ числа избавившихся пловцовъ двѣ женщины явились къ добросердечнымъ поселянамъ съ просьбою принять ихъ и пріютить у себя. Онѣ были очень красивы лицомъ и станомъ и настолько умны, что возбудили къ себѣ искреннее сочувствіе. Жители Опука немедленно принялись за работу и въ нѣсколько дней выстроили имъ домъ со всѣми принадлежностями, подарили по одной овцѣ и стали заботиться о чужестранкахъ, какъ о родныхъ дочеряхъ. Старшую изъ нихъ звали О, а младшую Пука, а такъ какъ онѣ жили не разлучно и пользовались въ одинаковой степени народною симпатіею, то ихъ не иначе именовали, какъ однимъ названіемъ Опукъ. Дѣвушки эти, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ тихо и спокойно, вzakлюченіе начали задаваться мыслию господства надъ тѣми, кто ихъ пріютитъ и дастъ средства къ жизни. Идея эта съ каждымъ днемъ все больше и больше увлекала ихъ и онѣ начали мало по малу приводить ее въ исполненіе вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, затѣмъ перенесли свои распоряженія на устройство общины и въ концѣ концовъ создали себѣ стражу и образовали жестокихъ слугъ, которые начали варварски обращаться съ кроткими и набожными жителями. Достигнувши всего этого, онѣ начали одѣваться въ фередже (въ мантии) такихъ яркихъ цвѣтовъ, которыми владѣютъ въ настоящее время удоды и въ отличіе отъ другихъ надѣли на головы особеннаго рода гребни (короны). Все это не изумляло простосердечныхъ людей и они какъ-то безсознательно отделились въ зависимость отъ иностранокъ. Господство это навѣрно не прекратилось бы никогда, еслибъ О и Пука не задумали выставить на площади двухъ каменныхъ изображеній своихъ и требовать, чтобы имъ воздавались божескія почести. Тутъ только народъ пробудился отъ усыпленія своего и началъ роптать и волноваться, но чужеземки приказали дѣйствовать силою и побоями, а чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, приказали соорудить себѣ около статуй возвышенныя троны, на которые ежедневно восходили и любовались вынужденнымъ колѣнопреклоненіемъ народа. Насиліе это приняло такіе размѣры, что несчастнымъ ничего болѣе не оставалось, какъ только выселиться изъ роднаго селенія и искать пріюта у сосѣднихъ народовъ, но видно Богъ, которому они поклонялись и любили въ душѣ, сжалился

надъ ними и послать въ лицѣ одного нищаго не только избавителя, но даже карателя неблагодарныхъ.

— Когда васъ снова потребуютъ къ жертвоприношеніямъ? спросилъ онъ.

— Когда послѣдуетъ новолуніе—отвѣчали безропотные граждане.

— Хорошо, я въ этотъ день явлюсь къ вамъ и вы будете избавлены навсегда отъ злыхъ существъ.

Въ указанное время властолюбивыя дѣвушки въ своихъ царскихъ нарядахъ вышли на площадь и на этотъ разъ потребовали, чтобы всѣ жители съ дѣтьми явились отпраздновать годовщину восшествія ихъ на престолъ. Требованіе было исполнено безъ малѣйшаго возраженія, но предварительно начатія жертвоприношенія животныхъ О и Пука обратились къ подданнымъ съ вопросомъ: кто изъ нихъ пожертвуетъ собою для прославленія ихъ имени?

При этихъ словахъ всѣ вздрогнули и окаменѣли отъ ужаса.

— Въ такомъ случаѣ намъ придется бросить жребій—сказала старшая и приказала, чтобы всѣ молодые люди отдѣлились отъ пожилыхъ.

Вмѣсто одной жертвы мы возьмемъ двѣ.

— Въ эту ужасную минуту къ ступенямъ трона подошелъ тотъ нищій, который обѣщалъ освободить несчастныхъ гражданъ отъ незваныхъ повелительницъ. Снявъ съ плечъ своихъ торбу, онъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Ничтожныя чужестранки, мы дали вамъ пріютъ и насущное пропитаніе, а вы зазнались до того, что захотѣли сдѣлать насъ всѣхъ рабами своими. Достигнувъ этого, вы заставили насъ поклоняться своимъ изображеніямъ и считать своимъ божествомъ, а въ заключеніе требуете нашей крови. Неблагодарныя! вы вообразили, что терпѣнію нашему не будетъ предѣла и что между нами не найдется никого, кто-бы наказалъ васъ въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ. Ошибаетесь дерзкія! „Затѣмъ онъ повернулся къ согражданамъ своимъ и спросилъ: какому наказанію они пожелали-бы подвергнуть дерзновенныхъ?

— Дѣлай съ ними все что хочешь—отвѣчалъ народъ—мы только просимъ избавить насъ отъ самовольно присвоенной власти.

— Слышите гласъ народа? крикнулъ факиръ.

— Это ничтожное жужжаніе комарей—отвѣчали дѣвушки—а ты ихъ дерзкій представитель сейчасъ испытаешь наше могущество. Эй, воины, покажите на немъ примѣръ нашей строгости!

— Не смѣйте трогаться съ мѣста! закричалъ нищій—иначе и вы погибнете отъ единого мановенія моей руки. Сказавъ это, онъ поднялъ палецъ къ небу и громогласно произнесъ: заклиная васъ неблагодарныя твари чужой земли сію же минуту превратиться въ птицъ, которыя сохранили-бы сходство съ вами, но прикосновеніе къ которымъ считалось-бы омерзѣніемъ для человѣка. Тронъ-же, воздвигнутый вами, да превратится въ скалу и гнѣзда гадинъ. Этого мало, да будетъ отнынѣ нашимъ закономъ убивать всѣхъ иностранцевъ, которые выйдутъ на наши земли!

Только что были окончены эти слова, какъ заколыхалась земля и, предъ раступившимся народомъ, выдвинулась высокая гора, на вершинѣ которой оказались двѣ птицы въ перьяхъ цвѣта мантий, носимыхъ дерзкими иностранками и съ такими-же гребнями на головахъ. Птицы эти, прижавшись другъ къ другу, неистово кричали: „О,—пу! О,—пу!“ т. е. выкрикивали свои имена, но мальчики, не понявъ значенія этихъ звуковъ, отвѣчали имъ: „ку—ку!“

Съ того времени скала эта на память поколѣній получила названіе Опукъ-каи и тамъ постоянно живутъ два удода, какъ-бы для того, чтобы поддерживать въ народѣ воспоминаніе о давно совершившемся событіи“.

Разсказчикъ допилъ свой чай и, улыбаясь, сказалъ: надо-же было выдумать такую небылицу. Сказано бабы! Чего онѣ не придумаютъ, чтобы занять своихъ дѣтей. Спасибо вамъ за чай. Этотъ напитокъ несравненно пріятнѣе нашей сладкой бузы. Жаль что наши женщины не имѣютъ возможности ознакомиться съ его приготовленіемъ. Это было-бы по выйдѣ ихъ сказокъ.

Я не замедлилъ налить гостю моему второй стаканъ, въ надеждѣ вымануть у него еще какое-нибудь мнѣическое преданіе, относящееся къ Керченскому полуострову, которыхъ навѣрно существуетъ у татаръ безчетное множество, но которыя къ сожалѣнію достаются только на долю дѣтей преимущественно женскаго пола.

— Ну, а скажи мнѣ пожалуйста—спросилъ я—что разсказываютъ ваши бабы о развалинахъ извѣстныхъ подъ именемъ Узунъ-калеси при деревнѣ Казантипъ?

— Такой-же вздоръ и небылицы, какъ и всѣ ихъ сказки. Увѣрю васъ, что намъ неприлично ихъ повторять.

— Да вѣдь мы теперь сидимъ безъ всякаго занятія. Все лучше болтать пустяки, чѣмъ молча сидѣть.

— Въ этомъ отношеніи вы пожалуй правы.

Нѣсколько минутъ спустя я добился таки, что Самій-бай разсказалъ мнѣ еще двѣ легенды безъ всякаго конечно предположенія, что я стану записывать ихъ.

2 Длинная крѣпость.

Подъ этимъ названіемъ на татарскомъ языкѣ, какъ сказано было раньше, существуетъ на берегу Азовскаго моря при деревнѣ Казантипъ, развалины небольшого древняго городка, о которомъ исторія не сохранила намъ ни какихъ намековъ. Если же существовали о немъ преданія у туземцевъ, то преданія эти безъ сомнѣнія исчезли послѣ окончательнаго погрома Пантикапей и замѣнились вновь вымышленными.

Мы довольны были-бы, еслибъ въ разсказѣ Самій-бая была хоть частичка справедливости, хотя и убѣждены, что въ легендахъ она не представляетъ существеннаго достоинства.

„Наши старухи говорятъ, что въ давно минувшія времена кер-